

БАЛЕТ
ГАСТРОЛИ

ЗВЕЗДОПАД

Наталья КОЛЕСОВА

Завершились гастрольные выступления балетных звезд, заехавших «погостить» на сцену Большого театра. Инициатива дирекции, пригласившей троих наиболее заметных западных танцовщиков исполнить главные партии в спектаклях классического репертуара, вызвала немалый интерес. Это не значит, что список исчерпывается этими именами — просто у каждой мировой звезды свои планы, не всегда совпадающие с графиком Большого театра.

Московские балетоманы получили редкую возможность сравнить разные стили и темпераменты. Жгучий, крепко сбитый латинос Хосе-Эммануэль Карреньо продемонстрировал повадки звезды европейского класса в карнавальном «Дон Кихоте». Силовое поле его танца было перенасыщено спортивными трюками и жадной сенсацией. Датчанин Йохан Кобборг, солист Датского королевского балета, напротив, держался в рамках стиливой элегантности, принятой на родине создателя романтических балетов Августа Бурнонвиля. Кобборг, исполнивший партию Джеймса в балете «Сильфида», проявил чудеса неаффектированной виртуозности и филигранного владения ювелирной техникой движений. Для Датского королевского балета характерно подчеркнуто невозможное отношение к сложностям, демонстративное равнодушие к трюкам и кажущаяся легкость в преодолении немалых технических трудностей. Особенно поразила в датском артисте яростный темперамент, с которым он разыгрывал все мимические сцены. Призвался потом, что хотел, чтобы его мимика не потерялась на масштабной сцене Большого, чьи размеры сильно превосходят датские сценические площадки.

Конечно, главный сюрприз ожидал нас в финале гастрольной программы заезжих звезд. Приезда нашего соотечественника Владимира Малахова мы ждали чуть ли не десять лет. Сейчас он — солист Штутгартского балета, яркая звезда на небосклоне Нью-Йорка и Вены. Малахов, воспитанник Натальи Касаткиной и Владимира Василева, уехал на Запад совсем юным. Тем интереснее было посмотреть, как

Дуэт
Владимира
Малахова
и Светланы
Лунькиной
рождался
на глазах
у публики.
«Жизель»

В БОЛЬШОМ

Вер. Москва - 2001 - 25 сент. - с. 5.

развилось его мастерство за те годы, что мы не видели артиста.

Владимир Малахов — стройный, легконогий (как сказали бы древние греки), обладающий безупречными линиями, смотрелся в роли графа Альберта в «Жизели» превосходно. Он играл — страстно и самозабвенно — своего героя порывистым, непосредственным, искренним. Дуэт с нежной и утонченной Светланой Лунькиной рождался на глазах у затаившей дыхание публики. Молодая балерина, которой всего 22 года, олицетворяла грацию, свет и порыв юности. Ее неподдельные эмоции не оставляли равнодушными никого и рождали в партнере сильное ответное чувство. Поэтому безудержные рыдания Альберта над бездыханным телом Жизели в конце первого акта не выглядели чрезмерными.

Мы знали, что Владимир Малахов легко, знали, что у него фантастический прыжок. Но увидеть этот полет, длящийся дольше, чем позволяют законы земного притяжения, своими глазами, — совершенно другое дело. Солист в полном смысле этого слова, он блестяще провел все вариации, срывая аплодисменты каждым вторым па. Но что особенно отраднo, в дуэтах со Светланой Лунькиной Малахов проявил себя удивительно деликат-

ным, надежным и внимательным партнером. Все парения Жизели, ее призрачная невесомость и растворяющаяся в воздухе зыбкость напрямую связаны с мастерством партнера. И то, как он бережно ставил ее на кончик пуанта после каждой поддержки, и как незаметно легко она взмывала в его руках, заставляло вспомнить лучшие годы российского балета.

Пронзительная грусть второго акта, во время которого герои познают истинную ценность настоящей любви, когда перед Альбертом открывается бездна, от которой его спасает самопожертвование и великодушие его погибшей возлюбленной, передавалась от солистов к зрителям. Пару раз мы вскрикнули от неожиданности — когда в финале отчаянного вращения Альберт, как подкошенный, упал навзничь (что выглядело слишком натурально) и когда он, устремившись за ускользающим в растворяющихся в воздухе жете призраком Жизели буквально завис в воздухе, прежде чем исчезнуть за кулисами. Он до последнего мгновения не верил, что она покинет его во второй раз. Поэтому рассвет застал Альберта рыдающим над могилой Жизели с белой лилией в руке — единственным воспоминанием о потерянной любви.